ОЛЕГ БАСИЛАШВИЛИ

Палата №26

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Олег Басилашвили

Палата № 26. Больничная история

«Издательство К.Тублина»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Басилашвили О.

Палата № 26. Больничная история / О. Басилашвили — «Издательство К.Тублина», 2018

ISBN 978-5-8370-0854-2

Олег Басилашвили впервые вышел на сцену в далеком 1956 году. Сегодня он по-прежнему действующий артист, работающий в театре, кино, на радио. Артист востребованный и необычайно популярный. Благодарная публика по праву считает его одним из лучших в своей профессии. В новой книге Олег Валерианович рассказывает о своем детстве, родителях, работе в театре и кино, гастролях, политике, блистательных друзьях. И если бы об этой книге можно было говорить как об актерской роли, то Басилашвили, несомненно, справился с ней талантливо и ярко.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0854-2

© Басилашвили О., 2018
© Издательство К.Тублина, 2018

Олег Валерианович Басилашвили
Палата № 26. Больничная история

© ООО «Издательство К. Тублина», 2018
© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2018
© А. Веселов, оформление, 2018

* * *

Тимофею с любовью

Они вошли в мою палату, сразу несколько человек, молодые, румяные с морозу, в белых халатах, – группа врачей-стажеров.

– Ну, что тут у вас?

– Да вот… задыхаюсь, сердце, температура, легкие…

– Да нет, с вами ясно все. Что с телевизором?!

Телевизор в палате шикарный, совсем плоский, как в фантастических романах моего детства. Можно на стенку вешать, словно картину. Так что телевизор хороший, японский. Только не работает. Почти не работает. Включишь его – безумные линии скачут, и шипение какое-то громкое… Иногда вдруг вспыхнет экран, щелкнет на секунду-другую, мелькнет девичья попка, загремят какие-то звуки вроде музыки, и опять треск, шипение, и линии полосуют экран, и никакого изображения.

И вот врачи пришли, много, несколько человек, чинить телевизор.

– Вы одним пультом, Олег Борисович, пользуетесь?

– Валерианович, простите.

– ?

– Отчество мое Валерианович.

– А-а-а… Так одним?

– Одним.

Иронические улыбки:

– Это ведь спутниковый телевизор. Видите: четыре пульта.

Вижу. Еще какие-то ящички с кнопочками, черт их разберет. Ну да сейчас наладят.

– Так вот надо оперировать всеми пультами! Сейчас у вас идет кабель, да? А вот сейчас… – Говорящий берет два пульта и жмет чего-то, результат нулевой. Другой пульт жмет: раз, два, три – ноль.

– А, вот они сзади, папа-мама провода. Их же надо, да.

Включает, жмет. Результат – ноль.

– А попробуй впереди, вперекрест, вот так. – Это включаются остальные.

Поворачивают телевизор. Хоть и двадцать первый век, туго скрипит он при повороте. Втыкают, жмут. Результат – все вообще исчезло, даже шипение.

– Так, братцы, вынимайте, верните к исходу, пусть будет так, как было, хотя бы.

– Ладно, потом. У нас сейчас обход, надо больных проверить, новые назначения, мысли, надо проверить. А мы вызовем мастера, он сделает.

Уходят.

– До свидания, Олег Васильевич.

– До свидания.

Пусто и тихо стало в палате.

Палата у меня отдельная, спасибо друзьям, помогли со страховкой. Лежу. И мобильник не работает, испортился. Поговорить не с кем. Вдруг щелк и…

– Всех, всех! Всех вас! Мы пересажаем! Всех до единого!!! Однозначно!!! Вас – в первую очередь. – И исчезает, милый.

И кого он будет сажать? Меня? Вместе со всеми? Ну, это не страшно, если со всеми, в одиночке, говорят, плохо. Хотя какая тут одиночка, если всех, всех, всех…

Опять щелчок, одно слово вырывается: «уконтрапупить» – и опять шипение. Ну да, если не сажать, то уконтрапупить. Нет, нет, нет, хорошо, что телевизор не работает.

Закрываю глаза. Всплывает воспоминание.

Сорвались мы с места и помчались к президиуму, туда, где надо всеми нависает гранитный Ленин, туда, где место председателя съезда народных депутатов занимает временно исполняющий обязанности председателя некто Казаков.

Бежим через весь гигантский зал, бывший когда-то залом заседаний Верховного Совета СССР. «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее». Где в едином порыве, как один, вскакивали депутаты со светящимися от счастья глазами и нескончаемо аплодировали любимому вождю. А теперь здесь зал заседаний Первого съезда народных депутатов РСФСР, то есть России. (Слово «Россия» пока до поры до времени не произносилось, нет такой страны – Россия, есть РСФСР. Есть Украина, Грузия, Узбекистан, они есть, а вот России нет. РСФСР.)

Два дня съезд не может выбрать председателя Верховного совета. Оба кандидата: Ельцин от нас, демократов, а от коммунистов, не помню, кажется, Воротников, неважно, – оба не добирают нужного количества голосов. И вот Казаков предлагает снять с голосования обе фамилии – и Ельцина, и Воротникова – и предложить новых кандидатов. В стане коммунистов ликование: Ельцин будет убран! У нас, демократов, шок: именно с Ельциным мы, да и абсолютное большинство народа, связывали наши надежды на возрождение России! Нет у нас равнозначного Ельцину другого лидера! Не будет Ельцина – будет стоять во главе коммунист, покатимся назад, в советское прошлое: к репрессиям, дефициту повсеместному, запретам, к демагогии!..

Мы требуем продолжения голосования с прежними кандидатами, требуем поставить это предложение на голосование. Казаков не внемлет:

– Ставлю на голосование предложение: кто за то, чтобы снять старые кандидатуры и заменить их на новые?

Голосование пошло!

Остановить! Остановить голосование во что бы то ни стало! Тридцать секунд! Тридцать секунд всего у нас! Потом – стоп машина – и выдается результат. Конец.

Нас, демократов, чуть более ста человек, а на съезде коммунистов более тысячи. Ясно, каков будет результат голосования.

Вот тут-то и сорвались мы с мест, и помчались к президиуму.

Кучеренко! Молоствов! Куркова с кипой каких-то телеграмм! Еще кто-то! Я бегу.

– Остановите голосование! Требуем!

Казаков в микрофон – к ОМОНу, сидящему на первом этаже:

– Захват!

Кучеренко закрывает микрофон рукой:

– Остановите!

Казаков рвет микрофон на себя:

– Захват!

Секунды неумолимо скачут, еще чуть-чуть – и все. Кучеренко:

– Почему не поставили на голосование наше предложение – оставить прежние кандидатуры и голосовать в третий раз?

– Захват!

Мы – меньшинство, нас, демократов России, на съезде всего около ста человек, но благодаря телевизионной трансляции все, что происходит на съезде, видит народ. А народ яростно поддерживает нас, кучку демократов и Ельцина, поэтому в самых напряженных моментах, когда надо голосовать по ключевым вопросам, на весь гигантский зал Кремлевского дворца раздается голосище нашего депутата Дмитриева:

– Поименно!!!

И коммунисты, и иже с ними вынуждены голосовать вместе с нами за или в лучшем случае «вздр», что означает «воздержался», и только в редчайших случаях против… Понимают они, понимают, что народ страны увидит, – а ведь фамилии всех голосующих тут же возникают на телеэкранах – боятся обнаружить свои подлинные намерения. Так и сейчас, ведь вся эта заваруха транслируется на всю страну, и сразу видно, кто за что: кто за надежду на нормальную жизнь, а кто пытается остановить ход истории, пытается сохранить ту власть, которая довела страну до краха. Промышленность рухнула, сельское хозяйство умерло, магазины пусты, повсюду гигантские очереди, вновь карточки, да и то по ним ничего не получишь… Поезда не ходят… Городской транспорт стоит… Улицы городов погружены во мрак… И опять Кучеренко по микрофону. Срываются с мест коммунисты и иже с ними.

– Остановите!

Испугался Казаков.

Голосование остановлено. Временная победа: завтра будем голосовать за прежние кандидатуры. Перерыв… Отложили на завтра.

А завтра что?! Опять то же! И тут вспомнил я фильм Говорухина «Так жить нельзя».

Первая, мне кажется, картина, где чрезвычайно правдиво, талантливо, на документальном материале показана наша советская жизнь, наша деградация: пьянство, убожество, ложь, воровство, вырождение… Так нельзя жить, надо что-то предпринимать, менять экономическую нашу систему, дать народу возможность поверить в себя, в свои силы, наделив каждого гражданина правами, которые дадут ему возможность почувствовать себя хозяином своей судьбы, хозяином своего отечества, хотя бы воскресить в нем надежду на лучшее будущее.

Иначе – гибель, конец…

Мчусь на «Мосфильм». Договариваюсь о показе депутатам фильма «Так жить нельзя». Сегодня вечером. В громадном первом павильоне. Организуем автобусы.

С трибуны съезда приглашаю всех депутатов на «Мосфильм» сегодня вечером – депутаты довольны: интересно побывать на «Мосфильме»!

И посмотрели депутаты фильм, и оглоушил он их своей страшной правдой. И там, в первом павильоне, неожиданно вспыхнула дискуссия, чуть не до драки: а как жить?!

Наступает новый день. Поднимаюсь по главной лестнице в зал заседаний.

Рядом – Ельцин.

Высокий, стройный. Головы на две выше меня.

– Ну, Борис Николаевич, держитесь, мы с вами.

– Да уж скорей бы.

Поднимаемся до верха парадной лестницы, до гигантской картины Иогансона «Ленин на съезде комсомола». Ленин этак правой рукой, ладошкой, объясняет: учиться, дескать, надо, учиться и учиться. Толково объясняет.

Мимо, в зал заседаний.

Зал гудит. Ставим на голосование. Опять вопль Дмитриева: «Поименно!» Ну и голосище у него! Проголосовали.

Компьютер выдаст сейчас окончательный результат. Тишина в зале. Напряженная тишина, аж в ушах звенит.

И вот на экранах появляются цифры.

Побеждает Ельцин. Борис Николаевич. Несколькими голосами.

Невольно Ленина вспомнишь: «Из всех искусств самым важным для нас сейчас является кино».

Теперь наша Россия попробует начать жить по-человечески.

В перерыве в кремлевском саду Куркова ломает громадную ветвь сирени, объясняет милиционеру:

– Это для Ельцина.

– А, ну ладно.

На Головинском, номер шесть!
Прицепили тебе жесть!
Жесть! Жесть!..

Так пели тифлисские «оппозиционеры». Пели тихо, собравшись в тесный кружок, чтобы никто не услышал…

«Прицепили тебе жесть!»

Дело в том, что к карете губернатора Грузии революционно настроенные грузинские юноши прицепили на длинной веревке пустую консервную банку.

Губернатор сел в карету, карета двинулась, и консервная банка запрыгала, затарахтела по булыжникам Головинского проспекта Тифлиса (ныне проспект Руставели).

Скандал!!!

Эта акция была наиболее яркой страницей в истории предреволюционного движения в Грузии. Это потом уже появились Коба, Камо, другие и пошли грабить, убивать, взрывать.

Историю эту рассказал мне папа, с усмешкой вспоминая революционные настроения грузин начала двадцатого века.

Глядя из сегодняшнего две тысячи восемнадцатого года на себя, вьюношу шестидесятых – восьмидесятых годов, я вижу, что мало чем отличался я от тех тбилисских парней…

«Прицепили тебе жесть!»

Да, видел, ощущал нелепость и лживость власти, да, возмущался… Но – не более… На кухне, за водочкой, можно было, например, продекламировать одну из многочисленных:

Дедушка в поле гранату нашел,
Сунул в карман и к райкому пошел.
Дернул колечко и бросил в окно.
Дедушка пожил, ему все равно!

Остроумно, да и не опасно, теперь не сажают. Телефон выключен, да и говорим полушепотом, не опасно. Да, слышал я о каких-то «психушках», о диссидентах, о тюрьмах – но уходил в сторону: прочь все это – все, что будоражит совесть, что мешает жить.

Страна жила сама по себе – да, правила жизни враждебны, сковывают инициативу, ну что ж, надо приспособиться, пытаться выполнять, а вообще-то гори все оно синим пламенем… Идет война в Афгане – гибнут ребята, ну а что я, собственно, могу поделать?! Ничего…

Суют Сахарову шершавую кишку в глотку, уничтожают Солженицына, губят в лагерях, судят за тунеядство гения Бродского, убивают Пастернака – да, мерзко, а я что могу? Ничего… И не высовывайся. Принимай жизнь такою, какова она есть, – занимайся своим делом… А за поллитровкой на кухне поноси советскую власть…

Водяра, плавленый сырок «Дружба», все свои, телефон отключен, не страшно.

Правда, и на кухне бывали иногда срывы, заводился на политику не с тем, с кем можно… Мама в таких случаях говорила:

– Олег, перестань болтать! Безответственная болтовня! Ты ничего не изменишь, а можешь только изуродовать жизнь себе и своим близким. Этакая актерская распущенность, хлестаковщина!

– Мама, но меня действительно…

– Ты актер, твоя работа – передавать зрителю лучшее, что в душах авторов, делать людей чище, светлее, этим надо заниматься. Вспомни Успенского «Выпрямила».

Действительно, почему так рвался зритель на наши спектакли в Большой драматический театр? Потому что Товстоногов находил в них правду человеческих взаимоотношений. Никакой политики. Никаких намеков. Безусловная правда жизни, льющаяся со сцены в зрительный зал, сама по себе, своим присутствием бунтовала против повседневной и повсеместной лжи, звала вздохнуть чистым свежим воздухом правды, не отравленным идеологической химией.

Я в театре честно пытался делать свое дело. Подчас казалось: вот сыграю, положим, «Дядю Ваню» или «Выпьем за Колумба» – и люди поймут, изменятся, начнут жить по-новому…

Признаюсь, иногда мне даже во время спектакля казалось – вот! вот настал этот миг единения и там, в зале, – они поняли, они теперь другие!!!

Глупо и наивно до безумия, конечно!

«Ну, легкомысленны… Ну, что ж… обыкновенные люди… в общем, напоминают прежних… квартирный вопрос только испортил их…»

Да, люди, их природа – наверное, это вечное. Но вот с «квартирным вопросом» как-то решать надо. Наверное, кто-нибудь да решит. Но кто? Когда?

Но вот откуда ни возьмись – Горбачев. Перестройка. Гласность. Горбачев – молодец. Мы за него! Пытается как-то наладить жизнь по-иному. Ну что ж! Ему и карты в руки! Он – главный, он – генсек. Пусть трудится. Ура!

Коробило иногда, правда, как он, властитель всей страны, вместо «Азербайджан» говорит «Азебржан» или ударение: начать, предложить.

Правда, слово «коммунизм» уже выговаривает четко, не по-хрущевски: «коммунизьм», а «коммунизм»: «Стоит нам начать перестройку, и увидим горизонты коммунизма». Это радовало.

Но съезд! Съезд народных депутатов СССР!!!

Сахаров. Афанасьев. Шаталин. Попов. Ельцин… Впервые отсюда, с кремлевской трибуны Дворца съездов, с трибуны, осененной гигантским портретом Ленина, несутся слова о необходимости перемен, о необходимости изменений в экономической и политической системе страны.

То, о чем говорилось шепотком, с оглядкой, сейчас звучит громко, бесстрашно.

Четко, ясно, недвусмысленно звучат слова, которые я и на кухне-то произнести боялся, а здесь – в Кремле, в присутствии загорелых партийных бонз, агентов всесильного КГБ, послушно-агрессивной массы серого партийного большинства – свободно и ясно звучит речь человека, чувствующего и думающего так же, как я, но в отличие от меня – свободного от страха перед системой, страха, впитанного мною (да и всеми нами) с молоком матери, – человека, верящего, что слова эти могут изменить мир, покончить с попустительством злу.

– Кто это?!

– Это? Собчак Анатолий Александрович.

– Кто он? Откуда?!

– Из Ленинграда, профессор университета.

По-звериному вопит партийный зал, истерически кричат с трибун оппоненты. Страна прильнула к телевизорам. Утром – на работе, в очередях, в трамвае:

– Слышали? Слышали вчера Станкевича?!

– Да! Афанасьев-то, а? Агрессивно-послушное большинство!!! А?!

– Да! Да!

Вокруг редакции «Московских новостей» на Пушкинской толпы народа. Споры. Обсуждение статей… Выступлений на съезде…

– Сахаров сказал правду! Правду об Афгане!!! Так было!

Кричит однорукий, бывший афганец с медалями на груди:

– Так и было! А эта мразь, что унижала Сахарова, все врет!

Чуть до драк не доходит.

Популярность Ельцина растет с каждым днем.

– Видал? Видал вчера-то?! Ельцин-то, а?!

– Что?

– Бросил им партийный билет. Подавитесь, суки!

А Сахаров?! Сахаров – сутулый, картавый – пытается донести до тупой партийной массы главные тезисы написанной новой Конституции СССР под хохот и топот этих мерзавцев в хороших костюмах, под возгласы Горбачева:

– Ну усе, усе, усе! Уремя истекло!

Как с непослушным ребенком: «Ну усе, усе! Хватит».

– Я не сойду с трибуны! У меня мандат потяжелее вашего, мне этот мандат выдал народ!!!

Свист, хохот, аплодисменты не дают говорить Сахарову… Он, сутулясь, уходит с трибуны.

Горбачев:

– Шо и следовало доказать.

На улицах демонстрации… «Требуем отмены пятой статьи!»

«Огонек» разоблачает.

Митинги… Ельцин, Попов, Афанасьев.

Я, как и большинство, – у телевизора. Все мои симпатии – демократам. Чувствую: ими руководит нравственное чувство, желание изменить к лучшему жизнь. И им верит народ. Впервые благодаря горбачевской гласности люди поверили и почувствовали возможность высказаться, поверили, что они могут заставить слушать себя, поверили в свои силы.

И я почувствовал, впервые почувствовал возможность самому повлиять на ход событий вместе со всеми.

И когда Лавров, наш худрук, блестя зеркальным взглядом, предложил мне баллотироваться в депутаты съезда народных депутатов РСФСР, я, не колеблясь, согласился.

Ослепительное осеннее небо. Слепит глаза золото кремлевских куполов… Иван Великий… Успенский собор… Пьянящие гигантские гроздья сирени… Май.

Стоим мы, ленинградцы, демократические депутаты российского съезда, прошедшие горнило выборов, победившие соперников-коммунистов, победившие в отчаянной борьбе: пикеты возле метро с матюгальниками, дебаты в клубах – почти драки, когда соперник со своей командой, с хоругвями и иконами, вооруженный наглой, почти геббельсовской демагогией, ложью, забыв о совести и порядочности, вопит, пытается сорвать твое выступление, сучит ножками!

Спасибо моей команде во главе с нашим актером Валерой Матвеевым. Главное, что давало мне и всем нам сил, – сознание того, что большинство моих избирателей, да и почти весь народ, все думающие люди знают: так, как мы сейчас живем, – так жить больше невозможно.

Невозможно терпеть чугунную плиту КГБ, сеющую страх, ложь и притворство, невозможно ютиться в тесных коммуналках, невозможно больше стоять в бесконечных очередях за всем – от билета на поезд до кефира в грязных стеклянных бутылках… Невозможно больше рыться в гнилой картошке, моркови, пытаясь соорудить что-нибудь на обед…

Невозможно!

Невозможно терпеть всевластие КПСС, доведшее страну, самую богатую в мире – от алмазов до соболей, от золота до урана, от верблюдов до белых медведей – все есть в нашей стране, – доведшее страну до повального дефицита, когда приходится вводить карточки, а зерно – чем славилась царская Россия – пришлось более пятидесяти лет ввозить из Канады и Америки!

А можно ли забыть шестьдесят миллионов погибших в сталинских лагерях (коммунисты яростно отрицают эту цифру, всего-то, говорят, около миллиона – делов-то, действительно), забыть о рабах, дистрофическими руками которых строились заводы, электростанции, каналы, высотные дома?

Забыть о том, что мы превращены в моральных уродов, которые, пользуясь всеми плодами труда своих соотечественников-рабов, радостно ликуя, голосуют за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных», за великого Сталина?!

Можно?!

Народ на выборах заявил: мы хотим жить иначе, по-человечески. Народ ждет от нас, депутатов, перемен, которые поставят страну на рельсы нормального цивилизованного развития.

…Стоим мы, депутаты, на солнцепеке на Кремлевском холме, дышим полной грудью, счастливые, что победили, призванные народом изменить нашу жизнь… Победители! Прорвались в Кремль! Победа. Свобода. Как распорядиться ею, каким путем идти, в какую сторону? Бороться против советской системы? Да ведь вся наша жизнь с нею связана!

Меня как ошпарило. Капитализм? Какой капитализм?! Мы мечтали: вот устраним коммунистов – ведь это они, это КПСС довели страну до истощения, заводы стоят, продукты по карточкам, да и то не всегда, и это в конце двадцатого-то века! Вот уйдут они, и все наладится, к власти придут честные люди, тормоза – идеологические догмы – отброшены, и начнут свободные хозяева работать, закрутится экономика, и появятся наконец товары в магазинах…

Капитализм? А его «родимые пятна»? Вернуть «ленинские нормы»? Помилуйте, какие нормы, один кровавый террор чего стоит! «Интеллигенция – говно… Вешать, вешать и вешать…» – это все Ленин.

О, дребезжание в коридоре. А! Вот и капельницу везут, бутылочки вверх дном… Медсестра Катя.

– Ну вот, здравствуйте! Давайте руку! Так, поработайте кулачком. Хорошо. А теперь отпустите. Все.

А я и боли не почувствовал. Молодец Катя. Хорошо под капельницей. Подступает дремота… Сон… Только не дернуть рукой, а то… только не дернуть… Что?.. Что это…

…На просторах родины чудесной…

…Громадный гранитный Ленин над президиумом, дубовые панели на стенах, места для депутатов… какие-то кнопки. Вот она, атмосфера сталинских съездов… Нескончаемые овации… Светятся глаза депутатов! Сияют лица!

Почти весь состав Семнадцатого съезда ВКП(б), проголосовавший за Кирова, пошел под нож!

«Жить стало лучше, товарищи! Жить стало веселее!» – с улыбкой и мягким акцентом.

Ликование! Да здравствует! Ура! Сияют лица! Счастье!!!

«И вот я, простая крестьянская баба, стою на этой трибуне перед вами, товарищи!» – это актриса Марецкая, довольно скверно изображающая простую крестьянку, радостно захлебывается от счастья…

«Банду Бухарина, Каменева, Зиновьева – к ответу!!! Смерть! Смерть шпионам!!!» Неистовствует зал! Сердца переполнены любовью к вождю.

И он смущенно прячет улыбку в усах, вынимает часы на цепочке, показывает на них: хватит, мол, к работе. Выполним и перевыполним.

На просторах родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде…

Сталин – наша слава боевая,
Сталин – наша слава и полет…

А космополитов безродных – к ногтю их! К ногтю! Как фамилия-то? А? Настоящая-то? А? Фишман? У-у-у…

И генетиков с их буржуазной наукой – в лагеря! И кибернетиков! У-у-у, вейсманисты и морганисты поганые! Что?! Что это – что – что – что это? Круглый… Лысый… Хрущ… Как культ личности? Позвольте… Разоблачить культ? Двадцатый съезд… Что, миллионы невинных жертв?! Мрак… Так не знали мы… Ну, если б знали, то, конечно…

Но – опять! – взрыв ликования!

Пастернака – вон из страны! Лишить всего! К ответу! Евреев – тоже… Что? Нельзя пока? Подождем!

и – опять ревет зал, ликуют, аплодируют бурно, волны счастья, машут, толкаются, единогласно, рев, буря… А-а-а… Единогла-а-а… А? Что? А-а-а… А, это я спал…

– Спасибо, сестра.

– Нет, это я проверяю, капает хорошо. Ну еще, еще долго. Руку не сгибайте.

Лежу, не сгибаю.

Лезут ненужные мысли. Не думать. Имею право! Мне уже восемьдесят четыре. Большие кранты! Кстати, деревня может так называться – Большие Кранты. Есть же Большая Грязь или Черная Грязь. Интересно, а почему у нас бывают такие названия? Дно, например… «Вы где живете?» – «На Дне»… или «В Дно». А вот Гниломедово или Дешевки, Гробово, Пыталово. А вот и Овнищи. От безысходности нашей… Голодранино… Правда, и красивые есть: Ясная Поляна, например… Вешенское… Мелихово…

Эту ручку подарил мне Даниил Александрович Гранин. Я был у него в Комарово. Хорошо там, просторно, не как в этих новых поселках, где элегантный Версаль пытаются сотворить новоявленные хозяева, – невзначай разбогатев, построили себе дворцы, чтобы не спросили: «А откуда такое богатство?» – отгородили это богатство ото всех высоченными заборами сплошными, из толстых досок или металла… Идешь по улице, слово по коридору из заборов.

На участке Гранина все нестрижено, небрито… Трава, кусты, папоротники… Тропинки среди одуванчиков… Березы… Дом довоенный, деревянный… Маленькие комнаты, полно книг, на террасе запах дерева и травы. Гранин. Ясный ум, прекрасный русский язык. Привез ему арбуз, черешню, персики, конфеты Галя дала. От Комарово в целом и от участка и дома Гранина ощущение высокого прозрачного леса, запах травы, листьев. Довоенные редкие дачи, светлые мысли, чувство добра, словно у нас когда-то в Хотьково.

Мама моя, папа, бабуля… Где вы?

Что такое были мои родители? То есть как на них смотрели, как к ним относились окружающие?

Отец – из грузинских крестьян, из села Карби Горийского уезда. Правда, они там все называют себя дворянами. «Мы все дворяне. Ираклий! Ты дворянин? – говорит простой крестьянин другому. – Ты работал когда-нибудь?» А тот отвечает: «Нет, никогда не работал! Я дворянин!» – и показывает на руки: черные, скрюченные, все в мозолях от работы.

Отец окончил два факультета, стал директором Политехникума связи. Студенты за глаза называли его Сфинкс. Почему? Он мне сам это рассказывал. Сфинкс. Никогда голоса не повышал. Из имущества личного не было *ничего* буквально, только одежда: ботинки, шляпа, штаны, один костюм. Сидел на старом венском стуле, перетянутом телефонным шнуром для прочности, за старым столом для игры в карты – до революции на нем играли в карты, он назывался «ломберный стол».

Мама – дочь церковного архитектора. Доктор наук. Из благоприобретенного… Что было?.. Пол-избы в Хотьково… Стол обеденный… Кресло… Диван… Все. Остальное, стоявшее в трех оставленных нам комнатах нашей коммуналки, – шкафы, буфет, столы, стулья, кровати, кастрюли, тарелки и прочая утварь – все дореволюционное. Мама даже хотела сделать в коридоре выставку «Старые вещи». Но не успела. Утюг с угольями, выдолбленное из куска бревна корыто для крошения капусты, сечка – полукруглый нож, похожий на маятник, – им крошили капусту в корыте, стиральные доски, рубель – ребристая изогнутая деревяшка для стирки, утюг спиртовой, керосинки, керогаз, медные кастрюли – их надо было лудить, покрывать изнутри оловом, и ходили по дворам лудильщики: «Лудить, паять!» Сито для просеивания, кофемолка – из пустого ящичка, куда когда-то ссыпался уже промолотый кофе, возбуждающе горько-сладко пахло. Счеты конторские. Не успела…

Соседи по квартире деда, ставшей коммунальной: Ася, Костя, Агафья, Марьисаковна… Со всеми были дружны. Постепенно население уменьшалось, постепенно соседи переезжали на кладбище…

Остались лишь Ася, мама и папа. Ася вечно побаливала, денег на жизнь с нищей пенсии не хватало, ее всегда «приглашали к столу»: «Ася, попробуйте-ка, мы суп сварили, как, на ваш вкус?.. Не пересолили?»

Ася демонстративно нехотя присаживалась, хвалила и суп, и второе…

На даче, в Хотьково, не хотела с нами жить: сыро…

Почти ежедневно на даче седлал я велосипед и ехал в Хотьково на почту звонить Асе, узнать о здоровье, не надо ли чего…

Мама вечно беспокоилась о ее здоровье. А сама кашляла. Температурила…

Но вот! О, долгожданное неосуществимое счастье!!

Папе – как директору Политехникума связи, фронтовику, члену райкома КПСС – дают квартиру. И где?! На только что отстроенном проспекте Калинина – в новом доме в пятнадцать этажей, на проспекте, куда приезжали москвичи просто пройтись: сталь, стекло, бетон!!! Шикарные универмаги занимают первые этажи, Дом книги, кинотеатр. Москвичи шли по этому московскому, как им казалось, Бродвею, напрочь позабыв о снесенной Собачьей Площадке, об уютных арбатских особнячках с колоннами. Они сгинули в одночасье в угоду новой Москве, и она, новая, растоптала вязь путаную арбатских переулочков, садиков, бабушек с колясками, дворов, где буханье домино по фанерному листу под патефонное танго из распахнутых окон с геранью на подоконниках…

На проспект Калинина ездили смотреть со всей Москвы, заходили в кафе, пили кофе с мороженым… Совсем как за границей! Верхние этажи домов исчезали где-то в бездонной синеве… А магазины, магазины! Здесь можно было даже иногда купить сервелат! Или колбасу любительскую. Ну и что ж, что очередь! Мы привычные. Зато результат!

Мама с папой, осмотрев квартиру – две большие комнаты, мусоропровод, окна – фантастика! – виден Кремль со звездами, Москва-река… Лифт! Большой балкон! Большая кухня! – пришли в полный восторг.

Вернулись к себе, в коммунальную квартиру на Покровке… Буфет старый… Венские стулья, перевязанные телефонным шнуром… И – главное, главное – Ася! Настасья Васильевна Маркова. Костя, муж ее, умер три года назад… Совсем одна. На обед – «жареная вода», как

говорил папа… А ведь когда-то… Когда-то совсем давно была она гувернанткой у какого-то барина: шляпка с шелковой лентой, сумочка, туфельки…

Революция, подселили к нам. Помогала маме и бабушке – гуляла со мной по Чистым прудам… Занимала очереди… Война… Кот Барсик… Работа телефонисткой в моспо, отсюда всякие коврики-салфеточки, плетеные из старых телефонных шнуров, разноцветные… Фикус. Стеклянные прозрачные пасхальные яйца, поношенные боты, старое пальто… Оловянные ложки – уошки, – Ася звук «л» произносила как «у»… и почти вся жизнь, с 1917 года, – вместе с нами. Худющая, кожа да кости, больная, скулы подчеркнуты. Жила вместе с нами в одной коммунальной квартире, с нами и с другими: с Ильинскими-Басилашвили, Ольга Николаевна, Сергей Михайлович, Ира, впоследствии моя мама, Валериан Николаевич, мой папа, Жора – мой сводный брат, Сержик, умерший в младенчестве, потом я, и еще соседи: Мария Исааковна, Агафья, Фекла… И вот сейчас только два человека – Ира и Валериан Николаевич, – два человека рядом. А позади – длинная-длинная жизнь, полная событий, приносящих одно горе. Олег в Ленинграде.

Ира и Валериан.

Исчезни они – и что?.. Пустота, конец.

Сели мама с папой за стол, на венские свои стулья… Погладили старую полысевшую клеенку.

– Настя, идите-ка попробуйте, вроде я соли не доложила.

– Я сыта, спасибо…

– Ну только попробовать, пожалуйста. Подскажите, соли мало?

– Ладно. – Садится: – Да нет, вроде нормально.

– Вот и хорошо. Ну вот, а теперь картошечки!

– Ирочка, а как новая квартира-то? Взяли?

– Да ну ее, Настя, нам и здесь хорошо. Куда нам с Покровки! Ну, еще картошечки, а?

– Спасибо, Ирочка.

Так и остались они в коммуналке.

Через несколько лет скончался папа. Потом – мама ушла от меня в ленинградской больнице. Я позвонил Асе, сказал о смерти мамы.

– Я знала, знала… (знауа, знауа…)

И осталась Ася, всех пережив, одна-одинешенька, в нашей покровской квартире. Редко приезжал я. Помогал, чем мог. Совсем больную устроил в больницу. Не брали: «Чего с ней валандаться-то? Старая совсем, помрет скоро!» Настоял. Ездил к ней, бедной, в больницу.

– Миуый, прошу тебя, забери меня отсюда!!!

– Ась, ну куда я тебя заберу? Я ведь уезжаю, как же ты одна-то?

– Забери…

Вскоре она скончалась.

Ее пасхальные разноцветные яички у меня, светятся кто красным, кто зеленым…

А иконку маленькую «Константин и Елена», которую она мне завещала, ее родственники мне не отдали: «Нет, нет! Это наше». Такие дела.

А, вот и Катя.

– Ну, все. Пуста бутылочка. Нигде не болит?

– Нет, нет, Катя, спасибо, спасибо…

Вынимает иголку… Задребезжала стойка на колесиках. Уехала Катя, торопится. Больных-то – с ума сойти…

Что там дома? Как Галя? Ну, мобильник! Нет… не дышит… И телефон на посту дежурной сестры все время занят…

…А что Галины родители? Отец – Зайцев Евгений Борисович… один из самых уважаемых адвокатов Ленинграда… Честный, порядочный человек. Под его юридическую защиту стремились многие. Его речи помещены в сборник «Лучшие речи советских адвокатов». И – ни копейки! Ни копейки не брал никогда у своих подзащитных. Никогда! Получал зарплату в своей адвокатуре на Невском, 16… Однажды кто-то из благодарных его клиентов принес ему домой коробку конфет. И что? Выставил его за порог Евгений Борисович, вместе с конфетами…

Мама – Мшанская Ольга Феликсовна, ведущая солистка Кировского театра, меццо-сопрано, исполнительница многих главных партий в репертуаре театра… Казалось бы… да?.. Куда там… Кухонька в четыре метра без всякого кафеля… никакого антиквариата… ну, рояль… а как без рояля певице? Всё… На лето снимали комнату где-нибудь в Зеленогорске…

Что-то иное, бесконечно далекое от алчности, руководило их жизнями… Что? Определить трудно…

Надо покурить. Пойду. В сущности, идти некуда, курение в больнице напрочь запрещено, но как-то все ухищряются.

В основном кучкуются на задней служебной лестнице, на сквозняке. Окно распахнуто, туда, в снег, в мороз. В синеву! Кто в ватнике – это в основном медсестры, а кто попросту: пижама, костыль. И как врачи ухитряются? Был у главврача в кабинете – никакого табачного, прогорклого, кислого аромата. Может, потому, что больница совсем новая, не въелось? А здесь, на морозе, свои люди. Улыбаются некоторые… Здороваются.

А-а-а… Вот и они, врачи-телевизионщики!

– Здравствуйте, Олег Борисович!

– Здравствуйте, только я…

– Как телевизор?

– Не работает по-прежнему, шипит.

– Ждите. Придет сегодня мастер.

– Хорошо.

– Да! А как здоровье-то?

– Спасибо, отлично. Температура только.

– Ну, это ерунда. Пока.

А! Вот он, мой Баррикад Ильич… Мой учитель, ментор и, как он считает, неоспоримый авторитет. Честно говоря, зовут его попросту Петр Сергеевич. Но я удостоил его именем Баррикад, ибо он из той категории людей, в голове у которых полная путаница: тут и убийца Ельцин, вор Гайдар вместе с бандитом в законе Сердюковым, вором Абрамовичем, святым Зюгановым и боевым генералом Руцким, Ачаловым, Варенниковым…

Даздраперма – Да здравствует Первое мая! – имя такое было в советских святцах, но уж больно нереально как-то, не поверят. Баррикад Ильич. Почему Ильич – без комментариев.

– Что-о-о? Шестьдесят миллионов? Это в лагерях-то? Я, Олег Валентиныч, старше вас (хотя мне восемьдесят три, а ему всего семьдесят девять), поэтому и говорю: что ж, половину населения, что ли, расстреляли?! Потом – вокруг же одни враги, одни враги. Их же надобно было… как-то… И потом – хорошо стало. Хорошо!!! Вот у меня деда и отца раскулачили, сослали в Воркуту, там они и… Но я не в обиде! Не в обиде! Наоборот! А что?! Мне дали хорошую квартиру в Риге, зарплата хорошая… Потом холодильник, потом машину купил… Там, в Риге, врагов было – у-у-у! Что же, их так оставить? Не-е-ет, мы их… И если бы Ельцин не продал Латвию Америке, мы бы с ними… Так-то, Валентиныч. Если бы не этот твой Гайдар, то… Ведь пришлось в Узбекистан бежать, а оттуда эти черножопые погнали… Я избу купил в России, грузовик, «лендровер», свиньи у меня, хозяйство, и все это своими, вот этими

руками… Торгую мясом там, ведь приходится все время думать! Думать приходится все время, Валерьич! Что завтра да как завтра.

– Скажите, Петр Сергеевич, вот у вас своя ферма, автомобиль, торгуете. Ну что, а могли бы вы при советской власти купить такое, иметь ферму, торговать?

– Да на хрен мне было торговать-то? У меня в армии зарплата, знаете, какая была? Ого-го! На хрен мне было тогда канавы-то копать! Моя работа – полком командовать да врагов этих ловить. На хрен мне эти свиньи! Не-е-ет, Валерьич, ты чего-то не то… со своим Гайдаром. К стенке бы! Развалили державу.

И до бесконечности… Спорить, доказывать что-либо абсолютно бессмысленно.

Все! Перекур окончен, становись на голову. Иду в палату. За окнами – тоскливая серая муть…

Так, что тут у меня? «Гексоген» Проханова. Да-а-а… не везет сегодня…

Ведь с чего мы начинали, с чего я начинал? Просто хотели сделать так, чтобы все у нас стали жить по-человечески, убрать эту власть, которая довела, и так далее… Лозунг шестидесятников: ленинские нормы вернуть! А что говорил Ильич? Вешать, вешать, вешать, и чем больше повесим, тем лучше, убедительнее. – Ленин!

Что может быть страшнее?

Говорят, во имя счастья человечества можно уничтожить его половину. А что, Ленину дано было кем-то право определять, кто достоин этого счастья, а кто нет? И в чем оно, это счастье?

А что, если попробовать дать всем возможность жить по-человечески, не тратить все силы на преодоление искусственно созданных проблем и невзгод, а просто попытаться дать человеку возможность самостоятельно определить свою жизнь, не сковывать его инициативу цепями искусственно созданных идеологических догм, не мешать ему жить?

Но как?.. Какие механизмы приведут к этому, какие опасности подстерегают на этом пути? Если бы знать…

Ко мне поначалу, как к популярному артисту, а затем как к народному депутату, стали обращаться сотни людей за помощью: жилище, пенсии, работа, медицина…

Всем помочь невозможно, хоть я и старался это сделать. Кое-что получалось, по большей части – нет. Постепенно стало ясно, что необходимо изменить политическую и экономическую системы, создающие эти проблемы, заставляющие молить о помощи депутата, надеясь на «доброго дядю», который поможет…

В идеале как должно быть? Гражданин, считающий, что нарушены его права, сможет обратиться в независимый суд, и тот, если действительно попраны конституционные права истца, восстановит справедливость. Так в идеале. Это нужно для достижения идеала. Нужно разделение властей, сильный многопартийный парламент. Нужна новая, основанная на Декларации прав человека российская конституция. Нужны новые законы… Новые неподкупные суды… Много чего нужно… Абсолютное равенство всех перед законом… Правоохранительные органы, охраняющие права гражданина… Прежде всего необходимо понимание того, во имя чего, для кого это все делается – для рядового, одного из миллионов. Нам твердят: «Государство выше человека». Что это за фантом такой – «государство»? Да кто создавал-то, кто строил-то его, государство-то это? Люди. Все! Один прямо, другой вправо, третий влево, кто-то назад…

Память у людей короткая.

Голодные девяностые годы. Продовольствие в стране – почти на нуле. Валютный запас, золотой – истощены почти до дна предыдущим правлением КПСС…

Мэр Петербурга Собчак обратился к гражданам города-побратима Гамбурга с просьбой о помощи.

Будучи в это время в Гамбурге, я видел: на центральной площади разбит гигантский шатер. У входа в шатер – плакат с призывом к горожанам собирать гуманитарную помощь. Тут же чертеж, какого размера должен быть ящик и что в каком порядке туда складывать. «Продовольственная помощь голодающему Ленинграду».

Черт-те что… Была блокада, горы обледеневших трупов… Обстрелы… Выстояли… Победили немцев. Германия в руинах. А теперь – побежденные розовые немцы несут аккуратненькие ящички с едой, кормят нас. Большая очередь. Картина: серые, прокопченные веками каменные фасады, темно-красная черепица, зелено-голубые от вековой патины медные шпили и аккуратные, чистенько одетые немцы с ящичками гуманитарной помощи в аккуратной очереди в шатер… Нам еду несут. А в Питере депутаты распределяют эту помощь по районам, в каждую семью. Сейчас об этом забыли, помнят только войну, виселицы, блокаду…

Так и про американскую тушенку в здоровенных блестящих, как снарядные гильзы, банках. Про яичный порошок. Про сыр, шоколад, про всю эту американскую помощь, которой спасались от голода во время войны, про американские автомобили «студебеккер», «додж», «виллис», про самолеты «Дуглас» и прочее забыли и считаем американцев заклятыми врагами.

Завелся я. Отвлекся. Да, так вот. Гуманитарную помощь распределяли депутаты, и я в том числе.

Обычно, так уж повелось, депутат от округа располагал свою приемную в исполкоме района или, как теперь, в муниципалитете. Мой округ, 108-й, – это самый север города, прямоугольник, образованный Суздальской аллеей, проспектами Культуры и Художников. Оттуда до исполкома около полутора часов надо потратить на трамвае, ибо те, кто идет за помощью к депутатам, на такси не ездят. Исполком располагался очень далеко от моего округа, на Выборгской стороне, проспект Энгельса.

Я потребовал помещение в своем округе, прямо в его центре, в тамошнем отделении милиции.

Несколько, всего несколько минут у любого займет путешествие из дома в приемную депутата – это хорошо. Тем более что помощи ищут в основном пожилые люди.

И пошел народ.

Мне повезло. Район относительно новый, и коммуналок почти нет. Были и квартирные дела, но мало. В основном другие беды. Да, так вот. Магазины почти пусты. Что значит «пусты»? Вообще ничего, ни-че-го. В Москве, например, в мясном отделе магазина «Центросоюз». (Это название красовалось где-то с сорок восьмого года на угловом доме – Чистые пруды и Покровские Ворота, потом было изменено где-то в начале шестидесятых, но москвичи, жители Покровки, твердо знали: «Центросоюз» и все! Где курицу выбросили? В «Центросоюзе». Так-то.) И в «Стеклянном». Почему магазин на углу Старосадского и Покровки назывался так, одному богу известно. Может быть, из-за больших стеклянных витрин? «Стеклянный». В «Стеклянном» рыбу дают – все мчатся туда. Сейчас там «Глобус Гурмэ», черт знает как элегантно! Входишь – птички поют, в зеленой травке – апельсины, киви, хумусы какие-то, рыбы плавают и прочее… Шик, блеск! Есть все. И если бы посетителя «Стеклянного» из многочасовой очереди за минтаем на минуту перенести в оный «Глобус» – остолбенение и инфаркт от невиданного изобилия. Недаром этот «Глобус» и сейчас почти пуст, а то и закрылся, по-моему. Почти никого! Только *элита.* Дамы в костюмах от «Версаче», мужички, выскакивавшие на секунду из «мерседесов» за элегантной пачкой презервативов, или «Кэмел», или «Мальборо». Только птички чирикают посреди невиданных грейпфрутов и карамболей.

Опять отвлекся. Это старость. Болтливая старость. О чем это я? А-а-а? Что-то руку пощипывает и тянет, это я неловко как-то, вот так вот, вот так… Полегче.

Да, так о чем? Почему я о Москве, «Центросоюзе» или «Стеклянном»? Наверное, потому, что, лежа здесь, в одиночестве ленинградской больничной палаты, хочется ощутить побольше тепла, а оно прежде всего из детства, ранней юности… «Стеклянный»… «Цент-

росоюз». Пустые ныне, в девяностые. Это Москва, Покровка… (Олег, сбегай-ка в «Центросоюз»…) А чем Питер-то хуже? Здесь тоже на мясном прилавке маленькие кучки тщательно ободранных, обрезанных костей – «суповой набор». Рядом, тут же, книга Фенимора Купера «Зверобой»… и «Спица вязальная длинная»… Прямо инсталляция ужасов каких-то, прямо этот… ну, с усами который! Ну! Ну, худой испанец с усами! А-а-а!!! Сильвестр Сталлоне. Тьфу! Сальвадор Дали!!!

Вот как.

И вот сижу я в своей приемной депутата, рядом Виктор, милиционер местный, решил помочь мне в работе. Тогда, в девяностые, были еще такие ребята, помогали безвозмездно. Хороший парень, да еще и народ ему известен. Местный участковый. И помощница моя, милая женщина. И поперло ко мне горе. О пенсии… Больные… Прописка… О детях, одежде… Вот и столкнулся «актюр» не с выдуманным – «О, как я несчастна!», – а с подлинным горем, с гноем, с кровью.

Герой Халхин-Гола, бывший офицер, живет в коммуналке с женой старой, дочерью. Та замужем, ребенок тринадцати лет, муж, родители мужа – шесть человек на двадцати метрах.

…Въехала коляска: «Помогите!!!» Слезы. Смуглый, полный, с орденами…

А народ идет, у каждого свое.

Одна из последних сегодня, а уже поздно, темно, а нам с помощницей на трамвае домой пилить о-го-го, часа два (я, как и многие депутаты-демократы, отказался от личных автомобилей, чтобы люди видели, что мы не «начальники», а просто выбраны на время для помощи, что сейчас другая власть, народная действительно, демократическая, а не на словах, с синей мигалкой наверху).

А вот эту, вошедшую, я узнаю сразу по глазам. Большим глазам. По выпирающим скулам, по упрямым четким складкам у рта. Строгое каре, старый берет с хвостиком, то ли пальто, то ли шинель старая, подпоясанная мужским ремнем.

– Знаю, знаю, незаконно. Я обеспечена, как и все, но – очень! – очень прошу. У меня кошка. Ей без меня – конец! И мне! Очень прошу, прошу еще хотя бы двести грамм сухого молока!

Блокадница. Глаза сухие, словно Сахара, жгут. Или реабилитированная. Жизнь проклятая. Молчим. Ну, конечно, пишу ей разрешение на добавку. «Спасибо». Уходит. Но в дверях вдруг останавливается, поворачивается ко мне и, вытянув руку, грозя мне указательным пальцем, громко, требовательно, сверкнув сухими белками глаз, угрожающе:

– Но вы – держитесь! Держитесь там! – И уходит.

Это было в один из самых трудных кризисных моментов съезда. Коммунисты «вышли из окопов».

А мы, как могли, держались.

А они, ликуя, вылезали из окопов, продовольственное положение катастрофическое, рейтинг демократов падает… Народ начинает голодать…

Ба! Скоро ведь бывший праздник – 7 Ноября. Когда-то, в другой жизни, шли на демонстрацию с пирожками бабушкиными. Хорошо было! Хорошо! Хо-ро-шо. Несут знамена, школа № 324 имени ЦОМВС «Красная звезда»! Мы под знаменами. Оркестры бухают. А-а-а, ура-а-а! А на подходе к Красной площади – там Он? Там??? Там!!! Стоит. Вся Москва в кумаче! И над Лобным местом тоже какой-то фонтан из кумача и воды! Да-э здравствует молодежь Советского Союза! Ур-р-ра! Площадь – центр ликования. Это от нее лучи по всему свету! Радио громко выкликает лозунги с эхом! Дэ-э-эвствует студенчество! Ур-р-ра! И мы кричим: «Ура!»

Дождик моросит, а нам тепло! Мы молодые! Впереди – жизнь. Девочки какие-то рядом! Глазами постреливают! Зубки словно жемчуг. Кубаночки! Эх!

А потом, дома или в гостях, вскладчину, рюмки кагора или портвейна, винегрет девочки сами делали… Гости, тосты! За великий Октябрь! За великого Сталина! И – голова мутная, кружится, духи девчоночьи бьют в нос, губки, бусы какие-то… Арбат…

А посередь Москвы… А посередь Москвы, на высоком на холме – т-у-у-р-м-а!.. Самое высокое здание над Москвой! МГБ. Министерство! Государственной! Безопасности! Там бессонные следователи, там тяжкий труд, насупленные очи… Враги – евреи! убийцы в белых халатах! Прохожу мимо кованых ворот МГБ по Кузнецкому мосту – они вдруг распахиваются для грузовика продовольственного с надписью: «Мясо», и я – о ужас! – вижу во дворе бесконечное число этажей, окна, окна все дальше и все ниже, все ниже, все меньше и меньше, вниз, вниз, еще меньше, до центра Земли окна, окна, окошечки…

Бам! Бам! В дверь ломятся. А! Это Додик! Лежит тут в палате неподалеку. И сходу:

– Нельзя! Здесь – ничего не будет! Нельзя! Все, все, все воруют! Все! Вот тебе твоя демократия. Все! Нужна труба для самовара. Мне! Для спектакля. (Он директор государственного театра.) Заказываю в мастерских. Они выставляют цену двадцать пять тысяч рублей. Я говорю: «Вы что! С дуба свалились?! Какие двадцать пять тысяч? В магазине ей красная цена пять тысяч, да и то…» А они: «Дурак! Деньги-то государственные. Ну? Ставим двадцать пять тысяч. Десять тысяч берешь себе, так?! И трубу! А нам десять тысяч тоже! А пять тысяч платим в кассу! Идет?» Я им: «Пошли вы!..» Чтоб я… никогда! И зачем? Все! Все воруют! А почему? Нет частного владельца! Сам у себя не будешь воровать. Демократия хренова!

Я молчу. Вспоминаю, как Ельцин, мы бились именно за частную собственность… понятие «частная собственность» вбито в конституцию Ельциным и нами… долгая история разгосударствления… А сколько было ужаса и страха перед понятием «частная собственность»! На диспутах, краснея, мямлили: общественная, личная и так далее, но не частная, ибо Ильич сказал, что частная собственность порождает капитализм. И Б. Н. на съезде пошел на хитрость.

Шла работа съезда, попытка приспособить старую конституцию к новым условиям. Несколько дней подряд Починок читает нам постатейные поправки, мы их принимаем: за, за. Ну, там запятые, какие-то слова исправлены, что-то вычеркивается, что-то дописывается. Работа нудная, устали все… И тут Ельцин:

– Весь народ работает допоздна, что же мы только до шести? Предлагаю продлить работу съезда над поправками к конституции до двадцати двух часов, чтобы закончить эту статью. Кто за? Ну, вот и хорошо.

И опять Починок занудно, от запятой до запятой, перечисляет пункты, запятые, кои подлежат исправлению… Мухи дохнут, постепенно зал редеет, большинство в курилке, один-два человека на ряд оставлены с карточками голосующих ушедших. Да и кнопки-то жмут автоматически: что там голову ломать над запятыми, за – значит за! И побыстрее. А мы, демократы, ждем, затаив дыхание.

И вот Починок где-то в десять часов вечера привычно-нудно перечисляет виды собственности:

– «Государственная, арендная, частная…» Голосуем, коллеги.

Мы жмем на кнопки: за. И большинство из дежурных оставшихся, уставшие, по привычке: за, за, за… И выскакивает на табло: «Многообразие форм собственности: государственная, арендная, общественная, *частная*»! Это значит, что теперь гражданин может иметь частную собственность: квартиру, дом, недвижимость, которую никто не имеет права отобрать! Может начинать создавать *собственное* частное производство, строить завод, цеха, заводить стада! Кормить людей! Может владеть землей, создавать и расширять сельскохозяйственное производство, руководствуясь лишь собственным опытом, не кланяясь в пояс разным обкомам и райкомам!

Мне казалось, это голосование – один из самых главных поворотных моментов новой нашей истории!

Какой вопль раздался из курилки, как рванулись коммунисты и прочие: «Переголосовать!» Они поняли: частная собственность развязывает руки трудящемуся, делает его хозяином, не зависимым от окрика барина из обкома КПСС.

– Переголосовать! Требуем!

И голос Б. Н.:

– Уважаемые депутаты, решение принято. Принято вами же. Сегодняшнее историческое заседание объявляю закрытым. До завтра.

И сколько сил, душевных и физических, потрачено было стоявшими ранее у кормушки, чтобы растоптать, исказить, изменить эту строчку… Пока не настал их черед торжествовать победу: появилось добавление к строкам о собственности, дескать, да, конечно, священна, неприкосновенна, но – если это необходимо в интересах государства – можно изъять ее, эту собственность, отобрать…

Уничтожена на многие годы вперед надежда на возникновение мелких и крупных хозяйств, на нового хозяина… На саморазвитие экономики, на рынок…

И все молчат.

Покурить, что ли?!

Что же это я? Я ведь бросил! Нельзя мне, у меня ХОБЛ. Курение усугубляет.

Да… Девчонки… Были у нас с Юркой девчонки. Что значит – были? Один раз в остолбенении погуляли по Арбату и один раз были в гостях у них дома. Девочки были активны в нашем самодеятельном театре, так вот мы «обсуждали». «Обсуждение» это в основном служило поводом сгоряча, вроде случайно коснуться девичьей руки, блеснуть оригинальностью… Потом, где-то в одиннадцать вечера, пошли домой. Вышли на Гоголевский бульвар и направились к метро «Дворец Советов» (так называлась тогда нынешняя «Кропоткинская»). Какой это был год? Где-то сорок восьмой, сорок седьмой, сорок девятый… Вестибюль станции находился напротив гигантской ямы, заготовленной для возведения фундамента Дворца Советов.

Дворец должен был вознестись на месте взорванного храма Христа Спасителя. Дворец гигантской высоты, увенчанный фигурой Ленина, а в голове Ленина, как говорили, должен был располагаться кабинет Сталина… Вот такие намерения.

Пока, правда, кроме намерений, была лишь эта яма гигантская да высоченные стальные «быки» в заклепках. Они должны были держать всю гигантскую конструкцию, но где-то году в сорок втором – сорок третьем «быки» исчезли – были, говорят, отправлены на переплавку: не хватало металла для войны.

Итак, арка станции метро «Дворец Советов». Напротив огромная, кривым бесконечным забором огороженная яма и покосившийся пивной ларек. Да-да, тот самый, где Александр Александрович Реформатский напоил вусмерть делегацию американских филологов во главе с Романом Якобсоном, показывая им Москву социалистическую.

Ладно. Идем с Юркой, входим в вестибюль метро, покупаем в кассе билетики. Станция неглубокая, без эскалатора, длинный извилистый коридор весь в кафеле, в конце его контроль билетов и впуск на перрон. Народу – никого, поздно. Тогда, в сороковых годах, вообще народу в Москве было мало, я уж не говорю о метро.

На контроле – грубые мужские голоса, женские возгласы. Видим, две девчонки в красных беретиках, контролерши, пытаются не пропустить двоих здоровенных мужиков-безбилетников. Мужики чуть не матом кроют, а девчонки, лет им по семнадцать-восемнадцать, грудью встали, беретики горят! Вот такие были комсомолки принципиальные.

Мы наблюдаем эту картину, и на весь этот кафельный кривой туннель эхом: бу-бу-бу, а-а-а. Собираются редкие пассажиры. И тут я, гордо и независимо:

– Прекратите немедленно! Отстаньте от девочек! Купите билеты.

Что ни говори, я мужчина, встал на защиту слабых! А они мне:

– А ты кто такой? Чего лезешь?!

Водкой от них несет прилично. И вот я, признаюсь – дурак, ляпнул недозволительное, покусился на святая святых, идиот, ну, чтобы напугать их. Отвечаю:

– Почему? Кто я такой? Я из МГБ!

И вот тут картина изменилась.

Лица этих двоих бдительно окаменели. Один из них лезет в карман и вытягивает длинную цепь с какой-то металлической блямбой. А там, на блямбе, нечто вроде эмблемы, или мне показалось, – меч и щит.

– Пройдемте, гражданин!

– Куда? Зачем? Это вы пройдемте! – говорю я.

Второй лезет в свой карман.

И достает… револьвер. Чик! – на боевой взвод. Чирик!

– Вы арестованы! Три шага вперед! Па-а-ашел! Пошел, пошел, гад! Там разберу-у-утся!

– Паспорта! Паспорта у них отбери. – Это тому, кто с блямбой.

У Юрки не было с собой паспорта, у меня был. Я смело:

– Идемте! Я все расскажу вашему начальству! Вот вам мой паспорт, я ни в чем не виноват.

Взял мордатый мой паспорт.

Свернул аккуратно в трубочку. И аптечной резинкой его – щелк! – окольцевал. И в наружный карман.

Вот тут что-то замутило меня. Что-то жуткое, непроходимое нависло.

– Шпионов поймали!.. – Это в собравшейся толпе пассажиров восторженно, но шепотком, шепотком прошелестело, чтобы самих, не дай бог… – Шпионов повели!..

Я – якобы смело, впереди шагая, – что-то бормочу про справедливость… Вышли наверх. Улица пустая.

А Юрка мне тихо-тихо:

– Я когти буду рвать.

По блатному это значит: убегать буду. Я ему:

– Ты что? Пристрелят на месте.

Ведут нас вверх по Кропоткинской, и чувствую я – хана. Может кончиться моя жизнь.

И вот – навстречу нам спускается по Кропоткинской невысокий человек, чуть прихрамывает на левую ногу, в сереньком таком костюме. Галстучек.

Лица вот не могу никак вспомнить, ну никак. Почему-то как у Вадима Синявского, любимца всего СССР, футбольного комментатора… Может быть, потому, что голоса похожи?.. Не знаю…

Видит нас, останавливается:

– В чем дело, товарищи?

Тот, у кого паспорт мой:

– Да вот взяли, выдавали себя за работников Министерства госбезопасности… а на деле…

Да, что-то бормочет. Я уже ничего не соображаю.

– У дома Василия Сталина пытались…

Вот тут меня и ошпарило: теракт! Десять лет без права переписки! У дома сына Сталина!

Я что-то страстно начинаю лепетать, что да, сказал глупость: «Я из МГБ», потому что велик авторитет, а эти двое ваших сотрудников пьяные приставали к девчонкам.

– Они не пьяные. Они выпимши.

– Ну, выпимши приставали. Хотел помочь. И какой такой дом Василия Сталина?

А там, рядом с метро, действительно стоит особняк, где жил Сталин Василий.

– Какой такой дом?.. В метро! В метро на контроле!!! Девчонок этих, контролерш, спросите. Мы и вмешались! Они пьяные…

– Выпимши!..

– …выпимши, конечно, извините, выпимши. Мы… а как с ними?.. Ваш авторитет только и мог помочь… Вот я и сказал, думал, испугались! А они пья… то есть, извините, выпимши, говорят: «Сталин». Какой дом? Мы из метро!

– Паспорт!

Мордатый отдает ему мой окольцованный резинкой паспорт.

Тот снимает резинку.

А паспорт уже закрутился в тугую трубочку. Пытается выпрямить паспорт, раскрутить. Не поддается. Плюнул, грубо листает, внимательно вчитываясь, почему-то внимательно очень просматривая нитки, которыми сшиты странички.

– Ваш паспорт? – Это уже Юрке.

– А у меня нету, – с хрипотцой, будто сожалея, что вот, дескать, не может помочь, отвечает Юрка.

Что дальше было – не помню как следует. Помню только, что вот сейчас решается наша жизнь. Лепечу что-то невразумительное. Мокрый от пота. Юрка тоже что-то говорит… Маленький – видимо, он старший по званию – нам:

– Ну что ж, товарищи… Благодарю за службу. Свободны. – Это он этим, которые «выпимши».

Они неохотно, оглядываясь, пятятся, начинают уходить… У поворота за угол останавливаются… Один даже что-то хочет сказать и даже шаг делает к нам.

– Свободны, товарищи!

Уходят за угол, еще раз оглянувшись. Маленький молчит. Долго молчит. Медленно идет к углу, за которым скрылись эти двое. Заглядывает, долго смотрит. Ушли. Быстро подходит ко мне, протягивает мой свернутый в трубочку паспорт. Тихо, еле слышно, свистящим шепотом:

– Ну, вот что. Бегите отсюда к***! Да побыстрее, пока… Бегите! И чтоб вашего духу никогда здесь больше не было!!! Поняли, мать вашу???

Почему мы не спустились в метро и не поехали до «Кировской» – понятно. Помню только, как мчались мы по Гоголевскому бульвару, со свистом взметая желтые кленовые листья, домчались до Гоголя, до трагически грустного Гоголя… Перевели дыхание и помчались бульварами на Покровку, ко мне.

Юрка эту ночь ночевал у нас, на Покровке. Больше в районе Дворца Советов мы не появлялись.

Вот так с девчонками дело обстояло…

Дверь в палату открывается, входит Роза. Уборщица. В синем халате, со щеткой, с ведром и тряпкой. Будет убирать, протирать пол и т. д. Одна на весь этаж. За ней и коридор, и туалеты, и палаты. Коридор длиннющий, метров двести…

Она приехала с Алтая. Широкоскулая, раскосая.

– До перестройки, – говорит, – жили хорошо: свой домик, шесть соток – картошечка, морковь, ну, все… Свинья, коровы, куры и так далее. В магазин никогда не ходили, все свое, и хлеб пекли. Ну, разве только что за сахаром… Феодализм, натуральное хозяйство.

– А теперь что же?

– А теперь – невозможно. Кормить живность чем? Корма очень дорого стоят, пенсия пять тысяч, а у нас еще ее и сократили, теперь четыре. Ни кур, ни коровы, ни свиньи… Все разъехались. Я – сюда, здесь платят пять тысяч в месяц да еще пенсия… Отсылаю.

Что же это происходит, братцы? Ломали советскую систему, были счастливы освободиться от «стран народной демократии» – «у нас больше денег останется», – ломали обкомов-

ский диктат, бились за самостоятельность хозяина… Но вот пришел вместо обкома некто ловкий – возможно, и бывший первый секретарь, – скупил все, что смог, стал хозяином, задрал цены беспредельно – и сотни тысяч живших натуральным хозяйством пошли по миру…

Говорят, да, вот в Швеции, Норвегии – там помогают нуждающимся, социальная помощь крестьянину, низкие налоги и так далее. И говорят мне: «Это все проклятые девяностые, вот вы капитализм такой построили». А я задаю простой вопрос: «А что же мешает нам так же помогать небогатым? Вы кричите об ошибках. Братцы, вы уже двадцать с лишним лет у власти. Так поправить можно было? Или принцип собственного обогащения стал вашей плотью и кровью?.. А вся критика – ради рекламы?»

Пойду-ка я курну! Э, да ведь нельзя тебе! Зарекся же. Нет. Пойду в столовую, там общий телевизор, взгляну.

Перед уходом включил свой телевизор. Полосатый с проблесками экран, жуткое шипение. Выключил. Тоска.

Иду по длинному коридору… Столовая. Телевизор. Работает. Человек десять сидят, смотрят, видимо, «Смехопанораму». И Баррикад мой сидит. Смеются. Действительно, смешно. Длинный долговязый артист говорит о себе: «Я очень стеснительный. Руки у меня какие-то короткие, да и ноги не того, маленькие. Стесняюсь. И вот когда захожу в общественный туалет, хотя многие писсуары свободны, я стараюсь войти в закрытую кабинку, понимаете?» И все, все, включая Баррикада, хохочут до слез, сгибаются на стульях, вытирают слезы от смеха.

Ну их, ушел.

А вчера смотрел «Поединок». Боже, боже, опять этот «писатель земли русской» против демократа Бозмана. Секунданты. Ясин позади Бозмана. Нельзя ему здесь, они его убьют. Ненавистью.

Я помню, помню эти девяностые! «Лихие», как их назвал кто-то из ненавидящих, кого народ оторвал от партийной кормушки, кто сделал все возможное, чтобы умер Сахаров, кто убивал Старовойтову, Юшенкова… Кто травил Байдара, Чубайса, Ельцина. Я помню широкую пасть Павлова, проклинающего сквозь бороду с трибуны реформы, хитрую усмешку Бабурина, помню Хасбулатова, нагло издевающегося над Ельциным и «ребятками в розовых штанишках» – это он о команде Байдара… Помню налитые кровью, жирные затылки генералов в погонах и без погон…

Это они, опять они теперь уже торжествующе орут: «Байдар – вор! Развалил все! Судить!»

Это они сделали все, чтобы не дать Байдару довести реформы до конца – и они добились своего: реформы только начались, а они – влет – эту синюю птицу реформ, и она падает неудержимо, вот-вот разобьется…

А им-то что? Частная собственность есть, рынок есть, суды и следователи им подвластны – нет, правда, партбилетов, ну и слава богу – зато есть чековые книжки.

о, я никогда не забуду, как они на съезде делали все, чтобы помешать работать правительству Гайдара. Это агрессивно-послушное большинство, из-под которого народ с нашей поддержкой, вспомним первые выборы на съезд России, выбил их бархатные кресла.

Ненависть. Ослепляющая, лишающая человеческого облика.

Помню страшный день. У Ельцина в этот день умерла мать. Она была для него всем, он очень любил ее, и, конечно, смерть ее была для него большой трагедией, страшным ударом. К этому времени коммунисты и иже с ними, «вылезши из окопов», таков был тогда их лозунг, повели оголтелое наступление на правительство Гайдара, делали все возможное, чтобы не состоялись реформы. И вот сегодня – один из таких дней. Десять утра, начинается новый день, заседание съезда.

Ельцина нет. Естественно. Место президента пусто.

На трибуне – Тулеев, Исаков, Павлов, Чесноков, Бабурин и т. д. – весь джентльменский набор.

Причем в основном эмоции, не мысли, нет, – не предложения свои – нет! А беззастенчивое и наглое издевательство над Гайдаром, над Ельциным в первую очередь.

Тулеев передразнивает Гайдара: «Он все только губами чмокает – чмок! чмок! Я ему по делу, а он: чмок! чмок!» Аплодисменты, смех.

Хасбулатов дает выступать только им, только тем, кто против реформ, против перехода России на новые экономические рельсы.

Чмок… Чмок…

И вдруг появляется Ельцин.

Аккуратно причесан, гладко выбрит. Садится на свое президентское место, кисти рук, крепко сжав, – на стол.

Ну, думаю, сейчас-то они утихомирятся, все-таки хоть он тебе и политический противник, а сострадание к горю должно же быть. У любого по отношению к кому угодно, даже к противнику. Какие-то общечеловеческие нормы совести ведь существуют?

Нет, оказывается! Если враг не сдается, его уничтожают! Поняв, почувствовав, что сегодня Ельцин слаб, угнетен, подавлен, словно свора голодных псов, радостно набрасываются они уже непосредственно на Ельцина. С издевками. С подковырками. Запомнился мне некто Челноков – тот особенно старался. Даже вызвал смех и аплодисменты в рядах своих сторонников.

Ельцин не реагирует. Только закусил губу…

Мне необходимо было выйти в секретариат съезда, узнать о судьбе одного моего запроса. Секретариат – непосредственно за президиумом. Вышел из зала, повернул налево и вошел в секретариат.

Столы. Сидят, пишут что-то. Слышу – объявляется перерыв. Из дверей, ведущих из комнаты секретариата в президиум, появляется Хасбулатов… Филатов… Еще кто-то… Ельцин.

Вышел. Постоял. Увидел меня. Подошел, пожал руку.

– Борис Николаевич, – говорю, – не обращайте внимания, не слушайте!

– Да, да…

Постоял молча.

И вдруг неожиданно, судорожно, неловко как-то обнял меня. И тут же отпустил. И отвернулся.

Слез не было, мне только показалось.

Ладно, хватит воспоминаний.

Пошел я в палату. А там врач Николай Арнольдович.

– Ну, как самочувствие?

– Нормально. (Думаю, вот-вот спросит о телевизоре.)

– Давайте-ка давление у вас померяю… Батюшки, что это? Что-то давление у вас высоковато…

Слушает сердце.

– …да и сердечко что-то прыгает… Тахикардия… Аритмия… Я сейчас.

Уходит… Потом прибегает с лекарством.

– Вот, примите… Сейчас вызову кардиологов – пусть разберутся, было ведь все нормально! Полежите. Я еще зайду. Да, телевизор-то у вас починили?

– Нет, только шипит.

– Ну и слава богу! Сейчас к вам приедут.

Глотаю таблетку. Ложусь. Давай о чем-нибудь другом вспомним. О веселом.

О Пари!.. (В смысле «О Париж!») Итак, о Париж! «Тра-ля-ля, тра-та-та, тра-ля-ля! Как я люблю в вечерний час кольцо Больших бульваров обойти хотя бы раз» – первое, что вспыхнуло в сознании моем, едва самолет, на котором труппа БДТ летела на гастроли во Францию, в Париж (а затем автобусом в Авиньон, в столицу театрального мира на этот месяц), стукнувшись о бетон взлетно-посадочной полосы и несколько раз нехорошо подпрыгнув, наконец покатился по парижской земле…

О Пари!!! Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля!

Вылетали мы из промозглого, холодного Ленинграда, хоть и весна, но было холодно, к одежде прилипал липкий и мокрый снег… Мы – в пальто, в шерсти, в мохеровых шарфах, но полны бодрости и счастья: впереди теплая Франция, Париж, Прованс, чемоданы наши наполнены блатными консервами, блатной колбасой вперемешку с летними вещами на случай весенней жары в Авиньоне. Прилетев, грузим чемоданы наши в автобусы. С нами – директор, Товстоногов, пятеро «из Управления культуры», то бишь из КГБ: двое следят за актерами, чтобы не сбежали, трое, делающих вид, что они рабочие, – за рабочими, костюмерами, бутафорами и так далее, за пролетариатом то есть, а он у нас передовой, пролетариат-то, черт-те что может выкинуть, поэтому трое.

Два автобуса везут нас в Париж. Голова гудит от бессонной ночи, самолет-то в семь утра, почти не спали, таможня, ненавидящие лица пограничников за стеклами, уплывающие куда-то в дыру чемоданы, вой двигателей, треск и боль в ушах. И сейчас голова отказывается воспринимать предметы, дорогу, город, пейзажи, людей…

– Ой, Сена!

– Где?

– Вот же! Ой, и собачка маленькая с бантиком, парижаночка!

Миша устало:

– Собака на Сене.

Кто-то добавляет:

– На Сене Розенцвейге…

Сеня Розенцвейг – это наш заведующий музыкальной частью.

Вот и Париж. Приехали. Нотр-Дам. Автобусы выпускают нас из своего чрева и уезжают вместе с нашими чемоданами.

– Товарищи! – Это главный наш из КГБ, смотритель.

Мы стоим спина к спине, готовые дать отпор любой провокации. Главный возвышается над нами, суров и бдителен.

– Товарищи, учтите, мы в центре Парижа, учтите. Вот собор Парижской Богородицы. Автобусы, которые уехали, ну, которые с вашими чемоданами, придут на это же вот самое место, на котором мы стоим, ровно в шесть. Да, в шесть вечера. Сбор – здесь. Погуляйте, ознакомьтесь. Ходьба только впятером. Свободны. Да! Суточные получите только в Авиньоне. Свободны.

Да, свободны, товарищ полковник или кто он там. В принципе можно остаться и здесь, попросить политического убежища – и свободен. Только зачем? И кому тут…

А в Париже-то – тепло, оказывается… Да нет, просто жарко. А нам в наших драповых пальто на вате, мохере и шапках – немножко уже и невмоготу. Да еще и не мылись, чешемся, зубы не чищены, где там в самолете мытье… Ну ладно, забыть про это! Все-таки первое свидание с Парижем.

И есть хочется. Спасибо «Аэрофлоту» – на завтрак в самолете дали чай, булочку, повидло… Хоть что-то.

А Париж вокруг чарует! Вот он, собор! Здесь Квазимодо бросался вниз головой… Козочка… Или это не оттуда… Феб… А, вот они, букинисты…

Туристы… Говор…

– Войдем, Бас, в собор Нашей Дамы, – это Миша Данилов, поблескивая объективом фотоаппарата, говорит мне. – Войдем.

Входим в торжественную каменную глыбу собора.

Пламя тысяч свечей. Народу – тьма. Жарища. Еще жарче, чем на улице, пот струится по позвоночнику. Да и немытость дает себя знать. Отблески свечей на надгробии Мюрата. Мрамор. Блестит, словно вспотел.

– Идем отсюда, Бас! – Это Миша. – Натопили парижане.

– Подожди, ведь где-то здесь Жанна д'Арк…

– Бог с ней, с Анной! Ей и без нас неплохо. Идем, идем отсюда.

Ладно. Ловя на себе дикие взгляды парижан, одетых по-летнему – футболки, курточки… – продираемся к выходу.

Мама родная! Как?! Перед корытом с сотнями жарко пылающих свечей стоит… Он! Голубые глаза. Седые баки. Мужественные борозды на прославленном лице. Он! Он!

Свежайшая рубашка. Бабочка. Элегантный легкий светло-серый костюм.

Сцепив пальцы, что-то шепчет. Пламя свечей бросает снизу оранжевые блики на его неповторимый лик. А вокруг своды, своды…

– Миша, гляди – Жан Маре!!!

– Вижу. Маре. Жан. И что? Закономерно! Париж все-таки… Не Усть-Кокшайск. Оставь его, Бас. Пусть живет… Пойдем. И, вообще, мне сейчас плохо станет, истерика начнется.

Ладно, продрались к выходу! Уф!

– Бас! Помоги! – Это Штурм, актер наш. – Ты ведь знаешь английский?

– Да ты что, Петя, несколько слов…

– Неважно! Мне срочно надо в туалет, срочно! А спросить где, не могу. Помоги!

– Идем, Петька! Собор – туристический объект, так?

– Так.

– Значит, где-то рядом и туалеты. Как узнать?

– По запаху!

– Петя, это же Париж! Шанель и прочее! Ренуар!

– Верно!.. А вон – японцы! Вниз куда-то. Туда, наверное… С флагом!

– В туалет они, Петя, в ту-а-лет! Смело вперед! За ними! Я с тобой! Ништяк!

Японися вниза – и мы вниза. Они друга за другама – и мы друга за другама. Они в очередь – и мы в очередь.

А впереди – звяк! дзинь! блям!

Батюшки! Деньги! Франки! А у нас – ни хрена, одна красненькая десятка, которую везем в надежде на обмен. НЗ на туалет потратить – преступление! А там – дзинь, дзинь! – девушка за кассой.

– Бас! У меня юбилейный рубль с Лениным. Подарю ей, пропустит. Как сказать – «подарок»?

– Презент.

– Во, презент!

Достает толстый «серебряный» рубль, Ильич с шеей гладиатора, мудрый прищур. Уверенность во взоре.

Дзинь! Дзинь!

Ничего, держимся.

Вот и она – «парижанка», в синем халатике, и блюдечко перед ней.

Чулки шерстяные… Отчего не шелка? Почему не шлют вам пармских фиалок благородные мусью от полного кошелька?.. Это Маяковский у меня в тупой от всего башке.

Дзинь! Дзень! – монеты по блюдечку алюминиевому бьют.

Подошли.

Петька тянет ладонь. На ладони юбилейный Ильич.

– Вот! Это вам, мадам! Презерватив!… Ой, нет! нет! Бас! Как?!

– Презент.

– Презент, вот.

Мадемуазель смотрит на Ильича и вдруг неожиданно громко, возмущенно:

– Муссолини? О, но, но, но! – И машет нам ручкой: вон отсюда, дескать, вон!

– Да какой, на хрен, Муссолини! Ильич это, Ильич! Ну, помните? – Петька вытянул руку, как Ленин: – Товагищи! – даже картавит. – Узнаете?

Девушка тупо смотрит на нас и опять:

– О, но! – И ручкой нам: на выход, на выход, дескать.

– Дура она, Бас! Ильича не знает. – Это Петька мне, идя на выход. – Дура!

Идем на выход. Быстро. Стыдоба. Японцы смотрят. Монголы. Кафры.

Уф! На поверхности.

– Бас! Что делать, а? Что делать?!

– Подожди. Вон, видишь, два наших стукача, кагэбэшника, и директор с ними? Они же здесь не впервые, они подскажут.

Подбегаем: ищем, дескать, пятерку, теперь все в порядке, с вами. Увидели вас, слава богу. Спрашиваем про туалет: где? Не знают. Ладно. Идем впятером. На другой стороне улицы дом какой-то красивый, с башенками. Что-то брезжит… Воспоминание… А-а! Консьержери! Управление полиции! Мегрэ здесь работал!

И правда – у дома группки полицейских.

– Товарищи, – говорю, показывая на дом, – это Консьержери, дом, где Мегрэ, ну, управление полиции…

Стоим. Смотрим.

И вдруг – Петька срывается с места и, словно молния, летит через улицу на ту сторону.

К полицейскому. Хватает его за руку, что-то говорит ему, прижимает руку к сердцу.

Стукачи остолбенели в ужасе.

А полицейский, полуобняв Петьку, ведет его к зданию, и оба скрываются за красивой массивной дверью. Все.

– Ну вот, – говорю я стукачам, – теперь вам крандец! Попросил политического убежища! Упустили!

– Как же это… е-мое… Я за ним…

– Стоять! Засветишься!

Оба белые как снег. Замерли. Директор тоже. Словно немая сцена в «Ревизоре». Так проходит несколько минут, стоим остолбеневшие, и, кажется нам, все вокруг застыло. Флаг Франции над зданием, авто полированные, полицейские… прохожие… Словно стоп-кадр в кино.

Но открывается дверь, и опять все ожило: затрепетал флаг, поехали авто… Петька Штурм собственной персоной, раскрасневшийся, веселый, жмет руку полицейскому и осторожненько переходит улицу, к нам.

– Ну все! Слава богу!

– А… Что вы… Где? – Это стукачи.

– В туалете был. Фу-у-у!

– А что ты им сказал?

– А я им по-французски: месье, говорю, их бин русиш, то есть советиш. Франк нихт, нет, дескать. Где у вас тут пи-пи? Он сразу понял. Повел в их туалет. Хорошие ребята! Да, слава богу! Ну все! Пойдем дальше Париж смотреть! Да, а запах у них в туалете, между прочим, – охренеть! Ренуар!

Дверь распахивается.

– Та-а-ак… И кто же это вам делал?!

Это уже не воспоминание, это тот самый мастер, о котором так много говорили, – вот он пришел. Валенки… Серо-синий халат.

– И кто же, значит, вам все это делал? (Показывая на спутавшиеся шнуры телевизионные.)

– Не знаю я… Я ж недавно…

– Да-а-а… Беда, коль сапоги начнет тачать… Стремянка есть?

– Не знаю…

– Не знаете… Ну что ж, придется на стол лезть…

– Может быть, сначала телевизор включить, увидеть, что там?

– Не надо. Все и так ясно. Видите, там, наверху, фазы перепутаны. Стремянки нету, значит… А пассатижи у вас есть?

– Что?!

– Пассатижи! Ну, плоскогубцы. Есть?

– Откуда…

– А, я вас узнал. Олег Борисыч! Артист. Ну, как же, как же, «Вокзал на двоих»! Автограф дадите? Ручка есть?

– Нет у меня ручки…

– Ну, ладно… Тогда в следующий раз… – И ушел.

Чем ближе конец жизни, тем больше и ярче возникают картинки самого раннего детства… Ни с чем не связанные… Почему? Зачем? Ничего не понимаю…

Вот идем мы с мамой по дороге вдоль какого-то поля… Пушкино подмосковное… Поле с капустой… С нами Семен Григорьевич – отец маминой подруги… Желая меня развлечь или вызвать к себе симпатию, он ладонями хлопает себя по животу – а живот огромный, мне кажется… Хлопает и приговаривает:

– Старый барабанщик, старый барабанщик долго спал!..

И звук хлопка такой звонкий! Я стараюсь, а у меня не получается…

Солнце садится… В пыльные лопухи…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.